

Бедные люди. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

Бедные люди. Василий Владимирович Быков

Не бойся гостя сидящего, а бойся стоящего – эта поговорка несколько раз приходила в голову хозяину, пока он стоял у порога, провожая позднего гостя. Они уже раза три обменялись рукопожатиями, и хозяин раза три собирался отворить дверь, а гость все не мог закончить мысль, вернее, заканчивал, но за нее тут же цеплялась другая, не менее важная или интересная. Был он по виду на изрядном подпитии, хотя выпили они по три рюмашки под кофе, говорил возбужденно, эмоционально и как будто искренне, – словом, у хозяина не хватало решимости положить этому конец.

– Поверьте, мы как услышали, словно бы внутри что-то перевернулось. Жена говорит: ты должен позвонить, поддержать человека, все же несправедливость вопиющая, как так можно в наше время.

– Что ж... Значит, можно, – вяло соглашался профессор Скварыш, думая об одном – как бы закончить разговор.

– Вот-вот. И главное – все молчат. И на кафедре, и в печати. А у вас же столько учеников! Одних аспирантов...

– Что делать...

– Вот я и думаю: подъеду вечерком, как стемнеет. Так вы уж не обижайтесь, что без звонка...

– Да нет-нет, ничего...

– А то позвонишь – сами понимаете... Что скажешь по телефону?..

В четвертый, может быть, раз пожав хозяину руку, гость ступил за порог, и Скварыш с огромным облегчением запер за ним дверь. В душе у профессора была сумятица чувств: досада от этого затянувшегося визита мешалась с благодарностью за слова, полные, кажется, искреннего сочувствия. Да-да, Краснянский говорил от души, действительно хотел утешить его и возмущался несправедливостью властей. Но вот полного удовлетворения от всего этого не было, что-то мешало, глодало, создавало внутренний дискомфорт.

Оставшись один, Скварыш выключил верхний светильник в прихожей, вернулся в кабинет, где на низеньком столике у дивана стояли две чашки с недопитым кофе, полбутылки «Белого аиста». Скварыш все переживал встречу. Краснянский не был его любимым аспирантом, не отличался ни особыми способностями, ни биографией. Вообще Скварыш знал о нем не много – ну, родился где-то на Полесье, вроде на Туровщине, служил в армии, работал на металлообрабатывающем заводе, окончил вечернюю школу. В аспирантуру пришел не из комсомола и, кажется, без «волосатой руки». Жену его он видел однажды, встретил в выходной на проспекте всю семейку с маленькой дочуркой – жена так себе, ничего, не красавица, но довольно миловидная особа. Шли, ели мороженое. Жена вежливо, даже немного заискивающе поздоровалась, – видимо, Краснянский успел ей шепнуть, что этот мешковатый толстяк с портфелем и есть его научный руководитель. За последние годы через руки Скварыша прошло их немало, будущих кандидатов наук: были способные, были так себе, не шибко. Отношения с ними со всеми Скварыш старался поддерживать ровные – и со способными, и с теми, что не шибко, никого особенно не выделяя ни в каком смысле. Те, кто защищался, «остепенялся», как-то мало-помалу отдалялись, шли в свою жизнь. Иные уезжали в близкие или далекие города, где находили работу, поначалу писали, звонили, присылали к революционным праздникам открытки с поздравлениями. Но с течением времени эти связи глохли, усыхали, потребность в общении уменьшалась, пока не сходила на нет. Возможно, так было бы и с Краснянским, не приключись с его научным руководителем несчастье. Самое тяжелое несчастье, хуже которого может быть только тяжелое увечье или смерть. Да это и была смерть, разве что не физическая – гражданская. Но от нее недалеко и до физической, Скварыш чувствовал это со всей ясностью.

Верхний свет из кабинета через открытую дверь падал в прихожую и отчасти в большой зал, где косым пятном лежал на пестром ковре. Мягко ступая по нему, Скварыш прошел к темному окну, выглянул во двор. Внизу под темными кронами тополей слабо отсвечивал асфальт от единственной в фонаре лампы, белели крыши нескольких автомобилей, приткнутых на ночь в ряд у бордюра. Он знал эти

Бедные люди. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
автомобили: два белых «жигуля», зачуханный «Запорожец» и новую «Волгу», принадлежащую недавно вышедшему в отставку полковнику. Иногда там появлялись и незнакомые машины, время от времени оставались на ночь, если кто-нибудь приезжал в гости к родне, обитающей в этом большом доме. Сейчас чужих автомобилей, кажется, не было, не видно было и «Волги», – наверное, полковник ночует на даче. Жена Скварыша с внуками тоже вчера уехала на дачу, а он остался в городской квартире, сказал, есть дело. Хотя дела у него не было никакого, просто хотелось побыть одному, наедине со своею бедой. Да вот этот визит занял весь вечер и напрочь разрушил столь любимое им чувство одиночества. В конце концов, может, и хорошо, что разрушил: одиночество тоже с каких-то пор перестало быть для него спасением, как не было им и многолюдье. Настало время, когда людей вокруг него становилось все меньше, а порою они и вовсе исчезали, особенно из числа друзей, сослуживцев; одиночество разрасталось, заключая его в плотный глухой пузырь. Это было непривычно, пугало, и он не знал, где ему лучше: дома без людей или на людях вне дома.

То, что чужих автомобилей внизу не было, несколько его успокоило, хотя, подумал он, машина могла уже и отъехать, пока он прощался с Краснянским. Но поскольку тот предварительно не позвонил, они могли и зевнуть. А может, обосновались где-нибудь в другом месте, дальше по двору, где тень от тополей была гуще и куда свет фонаря не проникал. Как-то весною Скварыш вышел пройтись перед сном; вечер был на славу, он далековато зашел в задумчивости – даже оставил позади стройку на соседней улице, и возвращался напрямик, задворками. В конце двора наткнулся на незнакомую машину, обычные серого цвета «Жигули», и, наверное, миновал бы ее в сумерках, да услышал оттуда приглушенный голос: «Объект удалился на противоположную сторону. Прекращаю наблюдение». Скварыш все понял, похолодел и быстро пошел прочь, втянув голову в плечи. В стороне, прямо за газонами, светились десятки окон, с занавесками, без занавесок и даже открытых в этот погожий вечер, и кто-то, видимо, и не догадывался, что его подслушивают. Да и как ты догадаешься?

Скварыш не стал задерживать шторы, занавешивать окно – его тут, в темноте, не могли видеть снаружи, он же кое-что видел. В размытом пятне света под фонарем беззвучно скользнула женская фигура с сумкой, свернула в крайний подъезд; из среднего подъезда выбежал мужчина с собачонкой – оба исчезли напротив под тополями на газоне. Оттуда же, из-под тополей, слышались молодые приглушенные голоса и смех. Скварыш не видел отсюда, но знал: там, в беседке, около детской песочницы, собирались к ночи парни, иногда с девушками, женихались, бывало, далеко за полночь. И, видно, не только женихались. Однажды один из них, видимо крепко поддав, прошел вдоль шеренги спящих автомобилей, оставляя на каждом отметку арматурной железякой. Так, без всякой цели, из озорства. А может, из классовой ненависти к их владельцам. Скварыш еще постоял у окна, посмотрел с восьмого этажа вниз, потом – в вечернее небо, где над плоскими крышами ближних домов засветилась и печально висела одинокая звездочка. Невольно его тянуло отсюда, из собственной квартиры, куда-нибудь туда, на волю, ибо здесь он без остатка утратил покой, душевный комфорт, а этот визит Краснянского еще больше взбудоражил его, выбил из колеи, и как он ни успокаивал себя, все было тщетно. Чего приезжал аспирант, что у него было на уме? То ли действительно, чтобы выразить сочувствие, согреть человеческой теплотой в трудный час. То ли... Именно это «то ли» болючей занозой засело у Скварыша в душе, не давая хоть мало-мальски успокоиться на ночь глядя.

Он еще не отошел от окна, как в прихожей затрещал телефон, заставив его вздрогнуть. Напрягся, замер в неподвижности – нет, трубку он, разумеется, не снимет. Теперь он боялся телефона, уже второй месяц не разговаривал ни с кем – с того времени, как его позвали на бюро райкома. Памятное, проклятое бюро, оно подкосило его, всю судьбу повернуло в какую-то неведомую устрашающую сторону, вместе с партийным билетом отняло, кажется, волю к жизни, оставив только вот это – тайные страхи, ожидание неизвестного, вероятно, еще худшего. Ибо на исключении они не остановятся, давно известно, что они действуют по законам стаи: если кто-то захромал и не может отплясывать наравне со всеми, то его надо разорвать и сожрать – выбраковать, чтобы не портил общей картины.

Но этот краснянский... Ну, чем он, Скварыш, мог вызвать у него такое сочувствие, заставить рисковать? А это вечернее посещение, разговор – на грани риска. Конечно, Скварыш уже был научен и не очень-то раскрывался в ответ на в общем толковые, но и небезопасные пассажи аспиранта. Особенно насчет Афгана. Но совсем отмолчаться было нельзя, приходилось то кивнуть, то согласиться где одним

Бедные люди. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru словом, а где всего лишь намеком. И только когда аспирант заговорил про давнишнюю лекцию Скварыша, где тот высказал некоторые сомнения относительно политики коллективизации, профессор заметил, что он вовсе не в смысле отрицания, а скорее конструктивного осмысления – конечно же, в рамках политики партии, разве что в несколько ином аспекте. Но Краснянский словно не услышал и продолжал горячо говорить про многомиллионные закупки зерна за рубежом как последствия коллективизации. Да, так оно и есть, думал Скварыш, это всем известно, но зачем же вслух? Разве он не понимает, этот разговаривавшийся аспирант, что профессор не может ему ответить с той же степенью открытости, вынужден отмалчиваться? А если понимает, тогда что это? Очень уж похоже на провокацию, опасную, даже страшную для человека, исключенного из КПСС.

А если нет? Если все это от наивной прямоты, элементарного человеческого сочувствия? Что ни говори, Скварыш был неплохим профессором, студенты его любили, он знал это и дорожил своею репутацией, часто замечая приятное отношение к себе. Ибо старался не кривить душой, не доказывать того, что было понятно каждому. Не лез из кожи ни за Ленина, ни за Брежнева, хотел оставаться умеренным марксистом, насколько было возможно в это проклятое время. Да не удалось...

Телефон опять прозвонил раз и второй, – должно быть, кто-то точно знал, что он дома, но Скварыш все равно не подошел к трубке, хоть и встревожился еще больше. Вместо того он тихонько прошел в кабинет, налил из бутылки в свою рюмку и выпил, не закусывая. Странно, не очень тянуло и выпить, хотя для этого были все условия: не надо ни готовиться к лекции, ни ехать с утра пораньше в институт. А выпив, как вот сейчас, он не пьянел, голова оставалась трезвой, депрессия не проходила, возможно, даже усиливалась. Коньяк, который вообще любил, сейчас показался резким, невкусным, почти противным. Профессор сел у стола на диван, уставился незрячим взглядом в круглые пятна на блестящей поверхности, думал. Очень его смущал визит Краснянского, чуял: это не просто так, видимо, за этим что-то таится. А что именно – догадаться было не трудно: Краснянского подослали.

Что он под колпаком, Скварыш понял еще до исключения, может быть, даже зимой, когда получил однажды письмо из-за рубежа, из Кембриджа. Пакет был из плотной бумаги, но с одной стороны он, похоже, вскрывался, ибо заклеен был слишком тщательно и столь же тщательно заглажен. Тогда он стал присматриваться к другим конвертам и обнаружил, что с оборота все они словно были когда-то намочены и старательно высушены. Вероятно, нечто подобное происходило и с его телефонными переговорами – на кафедре, дома: перепады в звучании, посторонние щелчки, чего прежде не было. Он почти перестал писать знакомым, лишь изредка открытки. По телефонам говорил коротко и о самом необходимом. Но именно тогда заметил, что к нему зачастили со звонками и знакомые, и малознакомые, и совсем чужие люди. Иные говорили сдержанно, лишь изредка касаясь рискованных тем, другие же напрямую спрашивали, как он относится к преступной гибели наших парней в Афганистане, к тому, что ограниченный контингент наших войск за столько лет не может одолеть мерзких наймитов империализма – афганских душманов. Он как мог изворачивался, старался говорить обтекаемо, но некоторые требовали от него прямых ответов. Было неловко, противно, хотелось выругаться и бросить трубку.

Теперь этот Краснянский...

И вроде же хороший хлопец, так искренне благодарил за честность, которая теперь не часто проявляется в людях, говорил, что правильно он это – про Афган. У него самого, у Краснянского, недавно в Афганистане погиб двоюродный брат, привезли в цинковом гробу, хоронили всем колхозом, мать была в обмороке, гроб не вскрывали – запретил военкомат, и как узнаешь, кто там, – может, совсем другой человек. Скварыш уже слышал о таких случаях, когда хоронили чужих вместо своих, военные почему-то путали, даже в таком деле не было порядка. Но сейчас, думал он, это, может быть, не столь и важно. Это война несправедливая во всех смыслах, даже с точки зрения марксизма-ленинизма, а те, кто ее начал, рано или поздно будут названы преступниками и прокляты. Но какая от этого радость ему, Скварышу: пока все проклинаят того, кто посмел на этот счет заикнуться. Его исключили из партии, кажется, скоро погонят с работы. Хотя он и подал апелляцию, и уже написал немало бумаг, «объяснительных», доказывая, что ничего подобного не говорил и даже не думал. Что он целиком и полностью поддерживал и поддерживает внешнюю и внутреннюю политику партии, интернациональную помощь братскому афганскому народу. До омерзения лъстиво и верноподданнически. Было противно вспоминать, как на бюро райкома, где его исключали, фальшиво оправдывался, что

Бедные люди. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru ему, видно, плохо удавалось, райкомовцы вряд ли верили ему. В какой-то момент он не выдержал, заколотилось сердце, пришлось при этих самоуверенных молодых функционерах доставать валидол, руки тряслись, таблетки посыпались на колени, раскатились во все стороны по блестящему полу. Молодой мордастый секретарь на минуту прервал допрос и, словно подводя итог, сказал: «Жаль, не хотите вы разоружаться перед партией». – «А я и не вооружался. Я ничего против моей партии не имею», – сказал тогда он и сам удивился деланной вкрадчивости своего голоса. Секретарь лишь криво ухмыльнулся, сидя за столом с шестью телефонами на тумбочке: «А у нас есть материалы, свидетельствующие как раз об обратном. Например, в марте вы утверждали, что нашим ограниченным контингентом в Афганистане уничтожено около миллиона афганцев. Откуда до вас дошла эта ложь?» Все они, сколько их там было, человек, может, двадцать, рассеявшиеся вокруг длинного стола и вдоль стен, враждебно уставились на него. А он молчал, мучительно припоминая, кому говорил об этом. Откуда сам знал эту цифру, помнил точно – передавало радио «Свобода», которое он по ночам слушал, разбирая кое-что сквозь густой треск глушилок. Мерзким, писклявым голосом он принялся оправдываться, готов был поклясться, что ничего подобного не говорил, хотя именно тогда внезапно все припомнил. Но как можно было признаться?

Долго сидеть без движения Скварыш не мог – давила ночная тишина. Не находя себе места, пошел слоняться по небольшой трехкомнатной квартире. Забрел на кухню, включил свет. Мог бы сварить себе кофе (все-таки занятие), но кофе он уже выпил три чашки, пожалуй, на сегодня хватит. Открыл холодильник, где были кое-какие припасы: кусок колбасы в рыжей бумаге, бутылка кефира, несколько плоских банок консервов. Ничто у него не вызывало аппетита, желания съесть. Ничего варить он, разумеется, не хотел, не хотел даже изжарить яичницу, которую вообще любил и ел с удовольствием, когда жарила жена. Разбитое стекло в двери на кухонный балкон напомнило о себе, но в этот момент он подумал, что стекло вставит не скоро. Было не до него. Он осторожно приоткрыл дверь и вышел на балкон, положил руки на еще теплые от дневного солнца поручни и вздрогнул: на соседнем балконе спиной к нему стоял в такой же позе сосед и курил. Скварыш отпрянул назад, тихонько проскользнул на кухню и закрыл дверь. Сейчас он не хотел никого видеть, ни с кем разговаривать, все казалось, что на него слишком пристально смотрят и – это уж точно – его слишком внимательно слушают. Или подслушивают. Интересно, подумал Скварыш, был ли слышен с балкона их разговор в кабинете и особенно в прихожей. И давно ли он стоит там, этот сосед в майке?

Он опять возвратился в кабинет. Убирать с низкого столика ничего не стал, устало опустил в кресло за письменным столом. Включенная настольная лампа осветила свободный от бумаг угол стола.. Муторно, ох до чего же муторно было на душе у профессора, все сильнее точило его сомнение: так просто или же нет заходил Краснянский? А что если в это время он уже сидит в КГБ и описывает их разговор? Или, может, записал все на магнитофон и завтра отнесет в тот самый дом на проспекте? В таком случае единственное спасение – опередить его. Иначе всему конец: и работе, и карьере. Если не жизни. Но опять же – как тут напишешь? А если все это ему только кажется, если Краснянским двигали простые человеческие чувства, та же доброта?..

Проклятое положение! Скварыш ощущал это каждой извилиной мозга, каждым кончиком нервов. Надо что-то придумать, что-то сделать – есть же, наверное, выход. И он думал, напрягал мозг, а выхода не находилось. Или его так-таки и не было? Нет, с этим невозможно смириться.

Он снова принялся бродить по квартире, полосатой дорожкой прошел к запертой на два замка, обитой дерматином двери, повернул назад. С большого календаря на стене привычно – с Нового года – улыбалась ему хорошенькая японка, ниже чернели два ряда цифр летнего месяца. Черная пора, проклятые месяцы, подумал профессор, сколько они задали хлопот, переживаний, мучительной неуверенности. Если парткомиссия ЦК, куда он обратился, утвердит его исключение, это будет конец. Кранты! Неужели такое возможно?

А почему бы и нет?

Исключили же доцента Куликовича, неплохого, толкового человека, ветерана войны, только за то, что тот выступил на собрании против ввода советских войск в Чехословакию и не взял своих слов назад, когда его вызвали в горком. Не покаялся. Вообще же исключили даже не за это, а якобы нашли, что, будучи в немецком плену, он не слишком хорошо себя вел. Раскрылось это именно после его

Бедные люди. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru выступления на партийном собрании, а прежде будто бы ничего не знали. И сгорел доцент. Поговаривали, устроился грузчиком на овощную базу, другой работы в городе ему не нашлось. Потом куда-то уехал. А может, увезли.

В прихожей лежал мягкий дремотный полумрак, слегка отблескивал паркет у порога, и он начал расхаживать туда-сюда – пять шагов от двери до зеркала и столько же обратно. В тапках было удобно и почти неслышно. Интересно, разрешают ли в тюрьме ходить в тапках, внутренне морщась, подумал профессор. У него давно болели ноги, и дома он предпочитал пользоваться тапками. Но про тюрьму он, конечно, подумал зря. Этак можно накаркать на свою голову.

Ходить так – взад-вперед – даже понравилось, это отвлекало, давало занятие ногам. И он припомнил, как когда-то, еще мальчишкой, впервые увидел в зоопарке медведя, вот так же расхаживавшего в своей клетке туда-сюда. Тогда он пожалел косолопого бедолагу: видно, очень уж ему не по себе, козь мечется целыми часами. А теперь не в таком же ли положении и сам. В клетке. Только посочувствует ли ему кто-нибудь? Кроме разве что этого аспиранта Краснянского.

Задал ему задачку Краснянский.

Все же, видимо, надо написать. Не может быть, чтобы этот аспирант, с которым у него не было никаких отношений, кроме чисто служебных, так уж растаял от сочувствия к его беде и приехал утешать с другого конца города. Да еще с риском для себя. Сперва профессор подумал, что он по какой-нибудь нужде, скажем попросить денег или заступничества за кого-нибудь. Или насчет квартиры (с такими просьбами к нему обращались чуть ли не каждый месяц). Однако нет. Ничего не просил Краснянский, так и сказал: только поблагодарить за правду и честность. За правду? Хорошая, конечно, штуковина правда для того, кто ее потребляет, к кому она обращена. Но наша правда... Вот и тогда он обронил два слова правды, которые, кажется, пустят насмарку всю его жизнь. И надо же было... Он и впрямь забыл, что если и можно что-нибудь сказать одному человеку, то никак не больше чем одному. Если же тебя услышали двое, трое, то плохи твои дела. Это уж точно.

Вообще, дело было в бутылке – проклятой бутылке, кажется, армянского, которую они выпили втроем. Выпивали не первый раз, после парилки. Рюмка-другая вечером неплохо действовали на сосуды, распаренное тело, ополоснутое в бассейне при сауне, словно обновлялось, молодело, проходила накопленная за неделю усталость, голова работала легко и свободно. Этот разговор произошел по пути к троллейбусной остановке. Они закурили, Бокач обронил что-то про Афган, ему что-то неопределенно ответил Волохов, и тогда он, Скварыш, припомнил ночную передачу «Свободы» и с несвойственной ему горячностью пересказал ее. Конечно, все из-за коньяка да парилки, иначе он бы, скорее всего, промолчал. Бокач с Волоховым как-то нахмуренно слушали его, а он еще добавил о преступности этой войны, за которую кому-то когда-то придется отвечать. Теперь ломай голову, кто из двоих стукнул. Ловко стукнул, ничего не скажешь, взялись за него на совесть. А ни тот ни другой и не позвонили, ни слова больше не сказали ему. Словно не слышали и не знали, что с ним происходит.

А может, они стукнули вместе? Почему бы и нет? Что из того, что друзья, что Бокач и Скварыш когда-то вместе учились, а дочь Волохова он устраивал в институт – просил за нее декана, ублажал злую экзаменаторшу Попрышку, всех подряд резавшую на физике. Поступила девчонка, а ее отец сделался его другом, сколько бутылок с ним выпито – на праздники, в сауне, на рыбалке. Поди же, не должен Волохов его так продать? Но и Бокач не должен. Все-таки старый, многолетний друг, когда-то, еще будучи бедными студентами, ездили летом к его отцу на Витебщину, купались в озере и пили отменный отцовский самогон. Нет, не должен Бокач его продать. Да вот продали. Кто из двоих, видно, не узнаешь никогда.

Теперь этот Краснянский.

Очень смелыми были его мысли – и насчет Афганистана, и Беларуси с ее насквозь лакейским партруководством. И насчет Брежнева что-то закидывал. Передразнил, как тот называет себя по телефону: «Дорогой Леонид Ильич слушает». Скварыш сидел как на иголках, ему было не по себе, все старался перевести разговор на другое, расспрашивал о семье, о жене – не помогло. Что жена, что с нею станется, слышал в ответ. А вот эта гонка вооружений... Дался тот час Скварышу, прямо вспотел весь, прежде чем закрыл за Краснянским дверь.

Бедные люди. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Нет, все же он еще не в камере-одиночке, чтобы вот так топтаться без конца взад-вперед, и не медведь в клетке. Прошел в зальчик, включил телевизор и вытянулся на диване. Когда засветился экран с каким-то старым черно-белым фильмом, он хотел было переключиться на Москву, да поленился встать. С минуту силился уловить смысл пафосного диалога двух рабочих – молодого, длинношеего с пожилым усачом, – но быстро потерял к нему интерес, отдавшись все тем же своим беспросветным мыслям. Пожалуй, надо все же написать. Пока помнит. Не то забудешь, а они сочтут – утаиваешь. Видно же, у них все на учете – и слова, и мысли, и намерения. На то они специалисты, в академиях учатся. Наверное, у них есть кандидаты и доктора по этой части – по части тайных полицейских делишек, гори они гаром, как сказали бы в деревне. Да не сгорят – они совершенствуются год от года, доходя до уровня искусства. Как с этим доносом на него. Донес кто-то один или оба? А если один, то кто именно? Ему никогда об этом не узнать. И он будет обоим пожимать руки и молчать, чтобы не обидеть невинного. Ведь обидятся же. Сам бы обиделся за одно только необоснованное подозрение. А тот, кто виноват, доносчик, так разыграет обиду, что еще станешь просить у него прощения.

Между тем на экране были уже не рабочие в комбинезонах, а три девушки на берегу симпатичной летней речушки на фоне живописной сельской идиллии; на головах белели веночки из ромашек, девушки держались за руки и, проходя бережком, пели трогательную песню. Личико одной из них очень напомнило кого-то... Так и есть, давнее, почти тридцатилетнее знакомство. Кажется, ее звали Валя. И он был даже слегка влюблен в нее, в эту статную хохотушку, как-то неожиданно затесавшуюся в их компанию. Теперь уже трудно и припомнить, кто привел ее – Бобков или Сельмашинский. Кто-то из них, неразлучных друзей, фронтовиков-орденоносцев, кандидатов в члены партии. Оба кончали институт, сидели на дипломах и готовились к приему в члены. И именно в то время органы завербовали их в сексоты. Но произошло это сразу после войны, еще в цене была фронтовая дружба, и ребята в одночасье признались друг другу, что завербованы. Были удивлены, конечно, но удивляться пришлось и еще раз, когда выяснилось, что первым заданием этих органов Бобкову было что-то выведать у родителей Сельмашинского, а Сельмашинскому – что-то разузнать о его друге. Друзья, конечно, своевременно просигналили, но сигналы эти были предварительно оговорены и согласованы между ними, чтобы невзначай не нанести друг другу вреда. Должно быть, органы что-то все же заподозрили, и тогда среди них появилась Валя, веселенькая такая хохотушка в вельветовой жакеточке. Она как-то ловко втерлась между ребятами и так повела себя в отношениях с тем и другим, что они оба влюбились в нее. А влюбившись, вскоре, видно, рассорились между собой и уже не согласовывали свои сигналы, стали писать иначе, чем прежде. Это кончилось печально: в один прекрасный день оба пропали и никто из их общих знакомых не мог сказать – куда. А Валю Скварыш как-то повстречал в поезде Москва–Тбилиси: ехала с маленькой дочуркой, сказала, переводят по службе. А по какой службе, если не секрет, поинтересовался он. Да так, по воинской, по линии мужа, сказала она и отвела взгляд. Возможно, и по воинской, подумал он, но зачем тогда озабоченно отводить взгляд?

Он и не заметил, как фильм закончился и на экране резко замельтешило серебро. Встал, нажал выключатель. Час был ранний, пожалуй, пора было садиться писать. Все начистоту. Кто, что и как говорил. Хотя вообще-то почти все время говорил Краснянский. Значит, так и писать. Но ведь это донос на Краснянского? А что делать? Все равно тот даст полный отчет об этом разговоре. Дело не в форме. Важно, чтобы те не подумали, будто он что-то утаивает. Не хочет разоружаться перед родной партией. А так – пожалуйста, он поднимает обе руки, он сдается. Сам, по доброй воле. Наказывайте, если хотите. А может, все же помиуете? Будь проклято это чувство надежды на краю гибели, этот рудимент пещерного оптимизма. Знал же, что не простят, взыщут по всей строгости. А вот надеялся... Будто ему не было известно, что именно этой человеческой слабостью с успехом пользовались немцы-фашисты. Выгоняя людей на уничтожение, они заботились, чтобы те взяли теплые вещи, одежду, на три дня пищи. В лагерях их встречали оркестром и перво-наперво вели в баню, на медосмотр к квалифицированным специалистам, которые поодиночке стреляли им в затылок. На ростомере. Люди надеялись до последней минуты и вели себя соответственно. Наверное, так же будет вести себя и он: цепляться до конца, будучи обречен, за все подряд – за партбилет, за работу. Ибо они же не говорят, что назначили ему. А может, может?..

Может, они и учтут его откровенность, поймут ее как абсолютную лояльность и как-нибудь спустят все на тормозах, думал он, без лишних подробностей, но в

Бедные люди. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
целом точно описывая свой разговор с Краснянским. Конечно, в основном слова и реплики Краснянского. Под самый конец, когда почти все было выложено на бумагу, мелькнула упрямая мыслишка-сомнение: а если все же это – от наивной искренности? Из сочувствия к нему, старому дурню-книжнику? Что тогда?.. Он же погубит человека. И его семью. И его девчущку, кажется Ирочку, с мороженым на палочке, сжатой в маленьком кулачке... Вот чертовщина, вот положение! Что же он тогда делает?

Но что еще было делать?

Скварыш отодвинул от себя эти две страницы убористого текста – ничего худшего он, пожалуй, не писал за все свои пятьдесят лет. Подлые страницы, ничего не скажешь. Вылез из-за стола, налил рюмку коньяку. Налил вторую... Эту отставил, не выпив. Что-то надо было делать. Вымотанные чувства упрямо требовали какой-то определенности, окончательного решения, которого все не находилось: варианты были один хуже другого. Хотя и вариантов-то было всего два. И оба ни к черту...

Между тем наступила глубокая ночь. Дом притих, перестали гудеть лифты, стучать двери. За стеною, в соседней квартире, заплакал и смолк ребенок, – наверное, уснул. Жильцы в своих сотах-квартирах мало-помалу угомонились, отдались сну, лишь в трубах водопровода время от времени слышалось какое-то тоненькое жалобное скуление. Скварыш опять стал выхаживать по квартире, подошел к темному окну в зальчике. Во дворе внизу словно бы ярче, чем с вечера, горел на мачте фонарь, сильнее светились кузова автомобилей в прогалах черных тополевых крон. Было сонно и пусто. И так же пусто и устало-сонно делалось на душе у профессора.

Может, лучше бы, если б дома, а не на даче была его жена, Леокадия Адамовна, было бы кому сказать слово, не глохнуть от этой обволакивающей ночной тишины. Хотя, может, и не лучше. С женою он уже вдосталь наговорился о своей беде, жена ему не сочувствовала. Знай попрекала за его длинный язык, за детскую доверчивость. Может, она и права, он не возражал. Жену он знал хорошо, прожил с нею жизнь, они вырастили дочь, растили внуков, но...

Было в их жизни небольшое «но», которое всегда в деликатных случаях заставляло его притормозить, вспомнить, замолчать, чтобы не переступить последнюю черту откровенности. За той чертою подстерегала опасность, он чувствовал это, хотя формулировать ее избегал, даже боялся. Невысказанное табу долгие годы лежало за той чертой.

Он тогда был еще довольно молод, только что испеченный кандидат наук, жили они на частной квартире, естественно, без телефона. Как-то летом пришла телеграмма, что заболела мать – упала, сломала ногу, просит, чтобы приехал. Он быстро собрался, поехал, зашел в районную больницу, устроил туда мать. Обрато выехал дня через три, опоздал на рейсовый автобус, добирался попутными и под вечер с легким портфельчиком в руке шел пешком на свою окраинную улицу. Тогда и увидел жену: поминутно оглядываясь, она вела какой-то торопливый разговор с молодым человеком в голубой тенниске. Было это в каких-нибудь двух кварталах от дома, где они квартировали, на перекрестке двух улиц, у водоразборной колонки. Леокадия сызмалу была близорука, но очков тогда не носила и не заметила его приближения. Поговорив, они поспешно разошлись: жена, в очередной раз оглядевшись, повернула за угол на свою улицу, а тот, в тенниске, направился в другую сторону – к центру. Скварыш не спеша дошел до колонки: жены уже не было видно, а тот маячил вдалеке, никуда не сворачивая. Чем-то неприятно задетый, Скварыш пошел не за женой, а в другую сторону, за тем незнакомцем. Держался за ним на некотором расстоянии, не приближаясь и не отставая. Ближе к центру незнакомец зашел в гастроном, купил пачку сигарет, потом недолго звонил из уличного автомата. У Скварыша было одно подозрение, оно вело с определенной настойчивостью и в конце концов привело именно туда, куда он и думал. И чего боялся. Это был боковой вход в здание КГБ – неприметная такая дверь без вывески и часового. Человек в тенниске бросил короткий взгляд в одну сторону, в другую и исчез за дверью. Скварыш не скоро добрался до дома. Жена встретила его, как обычно, он ни о чем ее не спрашивал, ждал, что сама скажет о своем свидании у водоразборной колонки. Не сказала. А как-то уже под осень, когда они возвращались после дневного сеанса из кино, навстречу попался молодой парень, похоже, в той самой тенниске. Только на этот раз на нем был еще и пиджак. И жена, как заметил Скварыш, коротко кивнула ему, как знакомому. Кто это, немного погодя, спросил Скварыш. Да так, сказала жена, учитель один. Ничего себе, подумал Скварыш, учитель, а бегают в КГБ. Но тогда он смолчал, и больше

Бедные люди. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
разговора с женой о том человеке у них не было. Оставался только вопрос, ответа на который до конца своих дней будет бояться Скварыш. Так, может, оно и лучше, что сейчас он один, что вся эта маета – без свидетелей.

Со страхом и отвращением он перечитал свои две страницы – мерзкие страницы мерзкого текста-доноса. Именно доноса, ибо как же еще их назвать, – это Скварыш понимал отлично. Он ничего не придумал, ничего не добавил к тому, что говорил Краснянский, все изложил так, как оно и было. Был правдив до конца. Но чего стоит эта его правдивость, какова ей цена? Может, разорвать, сжечь и никуда не ходить? – в который раз пришла неуверенная мысль. Но что из этого будет? Вышвырнули из партии, вышвырнут с работы, отнимут дипломы. Что отнимут дипломы и звания, это определено. Отняли же кандидатский диплом у доцента Шавякова – за перерождение. В диссертации обосновывал преимущества колхозного строя, а потом в лекциях высказал сомнение относительно этих преимуществ. Задали жару доценту – не перерождайся! Не умничай. Оставайся в жизни пнем и колодой – без глаз и ушей, тогда будешь соответствовать всем ученым званиям. Благо Шавякову было тридцать лет от роду, парень дюжий, он мог работать грузчиком на овощной базе. А где станет работать он, Скварыш? Что он умеет, кроме как пересказывать установки марксизма-ленинизма, в который давно и убежденно не верит. Но что делать, нужда заставляет. Учить студентов, принимать экзамены, нести заведомую чушь, ибо она кормит, дает хлеб и к хлебу. И все было хорошо, пока молчал, пока ничего – никому, кроме того официального, проверенного и утвержденного, что уже почти бездумно и механически пробалтывал на лекциях. А тут вот не удержался, сказал всего две-три фразы на темной улице близким друзьям. И все его многолетнее прежнее приспособленчество – насмарку. Если это действительно провокация, устроенная органами при посредстве аспиранта Краснянского, экзамен, то эти две странички помогут. Должны помочь. Как-никак они засвидетельствуют, что он человек открытый и ни от партии, ни от КГБ ничего не скрывает. Ну ляпнул там что-то, может быть, не совсем трезвый, может, его слегка переврали, утрировали. Но он не держит зла на доносчиков и теперь раскаивается. Возможно, исключение заменят строгачом. Строгач – не чахотка, год поносит и снимают. И снова все пойдет, как шло до этого. Тихо и спокойно. А профессору будет наука. Тогда уж и впрямь до конца жизни ничего – никому.

А если нет? Если Краснянский исключительно по доброй воле? По собственной дурости наконец. Тогда его вышвырнут из кандидатов, лишат университетского диплома, заставят распрощаться с карьерой. А то и посадят. Как тогда ему, Скварышу, жить? Что скажут о нем в институте? Как посмотрит ему в глаза дочь?

Дочь, пожалуй, была в его жизни главной заботой, большей проблемой, чем даже жена. Уже не маленькая, студентка, выросшая у него на глазах и на руках, она тем не менее тайла в себе неразгаданную загадку: какая она? Происходящее в общественной жизни страны, разумеется, не могло не трогать ее, отличницу-школьницу, а затем студентку, но он до сих пор ни разу не слышал от нее ни слова одобрения, ни слова осуждения. Даже недовольства. Все эти реабилитации, репрессии, борьба с космополитами и безыдейностью, даже распарывание или сужение брюк у парней, брань в адрес евтушенкинской поэзии – все это внешне никак не отражалось на его Людке. Во всяком случае, при родителях она была к этому словно глуха. Однажды он резко заговорил с нею о комсомоле, нарочито провоцируя ее на ответ, но дочь только сверкнула на него оробело-удивленным взглядом и не сказала ни слова. Боже, подумал он, – и она? Или она остерегается его, отца, или сама уже там, у них на крючке в свои девятнадцать лет? Неужели и сейчас, в эпоху развитого социализма, ничего не изменилось ни в обществе, ни в психологии его членов? Ну, ладно, он жил в страхе, но чего уж бояться им?

Вероятно, боялись, потому что страх был жив.

Он опять принялся мерять полосатую дорожку – до двери и назад. Шло время, а ничто ни в голове, ни в душе не прояснялось. В конце концов все оборачивалось банальнейшей ситуацией – кому пропадать? Либо ему, либо Краснянскому. В таких случаях прочь отлетала мораль, срабатывал только инстинкт, животный эгоизм как средство биологического выживания. Разумеется, это скверно, это некрасиво, это аморально. Но делай, что нужно, и будь что будет, многозначительно учил когда-то Толстой, этот величайший моралист всех веков и народов. Хотя хорошо было Толстому учить, у него была Ясная Поляна. А что есть у него, профессора Скварыша? Кроме зарплаты да этих вот клетушек – квартиры?

Бедные люди. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Нет, должно быть, правда все же за Протагором с его выводом о человеке как мере всех вещей, именно человек всегда определяет, как ему жить. За человека этого не может сделать никто – ни Бог, ни дьявол, только он сам. Плохо, однако, что он, Скварыш, не относился к числу людей, делающих свой выбор решительно и бесповоротно. Но человек, поставленный перед необходимостью такого вывода, теряет свободу. Он не свободен. Свободным же становится тогда, когда перестает существовать ситуация, требующая выбора.

Беда еще в том, что людям слишком многое нужно, видимо, природой им не дано ограничивать себя, как дано это животным. Они от Бога наделены свободой мысли, а им еще нужна и свобода слова, как когда-то не без ехидства заметил Кьеркегор. Действительно, не слишком ли большая это роскошь в тоталитарном обществе – свобода слова. В условиях демократии другое дело. Там о свободе не мечтают, там ею пользуются так же естественно, как дышат воздухом. Здесь же даже помислы о ней – крамола, за которую неизбежна расплата. Расплата все тем же – свободой и судьбой. Дьявольское общество, дьявольское время! И когда это утвердилось? Или, может, существовало и прежде? Может, и правда, что гибель современной культуры началась давно. Не в ночь ли на 25 июня 1820 года, когда умник Гегель, этот философ тоталитаризма, родил свое знаменитое: все действительное – разумно. Универсальное оправдание тирании. Неудивительно, что этот детерминизм одинаково пришелся по душе как его землякам-фашистам, так и российским коммунистам. Удобная философия двадцатого столетия... В сонном сознании Скварыша мысли текли безостановочно, не очень логично цепляясь одна за другую. Но со времен Декарта известно, что в духовной жизни стоящие мысли занимают весьма малое место. Куда больше тех самых путаных, сонливых и нелогичных, от которых мало проку. Так, сорняки, духовная мякина, сквозь которые лишь изредка прорастает что-нибудь значительное и даже гениальное. Но это – если нет страха. А может, именно в атмосфере страха наиболее напряженно и трудится ум? Хотя бы в поисках выхода...

Остаток той ночи он не расхаживал по квартире – сидел во вращающемся кресле за письменным столом, уставившись незрячим взглядом в свои проклятые строчки. Настольная лампа ярко и привычно освещала часть заваленного бумагами стола, голова и лицо Скварыша тонули в тени. Так было удобно. Под гнетом переживаний он устал, но сон не шел, и он не ложился. Тяжкая забота донимала его – как лучше поступить? Чтобы не сделать ошибки и не кусать потом локти. Когда будет поздно. Но эта проклятая задачка вообще, кажется, не имела решения. Сколько над нею ни бейся. Были два варианта, и оба никуда не годные. Значит... Значит, тщетное занятие ломать голову, думать. Тем не менее думал и ломал голову – искал, перебирал в дремотном сознании возможные и невозможные, по существу, фантастические варианты. И вполне очевидные последствия. Последствия все были безрадостно горькими и чудовищными. Ярко освещенные страницы на столе делались все более фантазмагорическими, наполнялись ужасным смыслом, и он уже боялся к ним прикоснуться, чтобы не накликать новой беды. Они обретали все большую власть над ним, он очутился в полной от них зависимости. Как избавиться от проклятых листков? Видимо, есть один-единственный способ – сдать туда, где в них нуждаются. И – вздохнуть свободно. А если это окончательно закабалит его?.. Что наступило утро, он догадался по неясным звукам в соседней квартире, где-то тихонько запел водопровод. Встал, раздвинул шторы на широком окне. Небо над крышами уже заливала рассветная синева, стало светлее в кабинете, и он выключил лампу. Идти в КГБ лучше было до девяти часов, чтобы не встретиться ни с кем по дороге, ничего не объяснять. Сдать и – назад. Наверное, там разберутся – куда, кому. В какой отдел, какому майору или подполковнику. Надо думать, это у них налажено. Доносы не пропадают. Не то что заявления в горисполкоме.

Он вышел в прихожую с твердым намерением идти, не откладывая, тем более что нужный ему дом был неблизко. Пока дойдет, утро будет в разгаре. Но если бумаги передавать через дежурного, пожалуй, нужен конверт. Пришлось возвращаться за конвертом, на котором он вывел четкими буквами: «КГБ БССР», Заклеивать не стал, вероятно, так будет лучше. А то подумают, что в конверте пластиковая бомба, и задержат самого. Задерживаться он там не хотел ни на минуту. Лифт необычно гулко грохотал в рассветной тишине подъезда, пока он спускался со своего этажа. Внизу у длинного ряда почтовых ящиков столкнулся с соседом, отставником-военным. Тот в спортивных шароварах и кроссовках, видимо, возвращался с утренней пробежки и лишь удивленно округлил глаза, увидев Скварыша. Скварыш ничего объяснять не стал, поспешил к выходу. Сейчас он не хотел видеть никого.

Из троллейбуса вышел за два квартала до знаменитого в городе здания, и тут решимость начала оставлять его. Чем ближе он подходил к боковой двери КГБ, тем

Бедные люди. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru меньше ее оставалось. Напротив двери совсем замедлил шаг, матовое стекло в створке не давало рассмотреть, что там происходит. Но он знал, что там стол и дежурный, – как-то зимой заглянул случайно. У косяка на стене отливала красным табличка: «Прием посетителей круглосуточно». Она обнадеживала. Но именно у самой двери он лишился остатков смелости и прошагал мимо. Дошел до угла здания, свернул на другую улицу и остановился. Что же, в конце концов, делать? Очень хотелось плюнуть на все и поехать домой. Может быть, допить бутылку, завалиться на диван, и гори оно все ясным пламенем.

Но, пожалуй, это не сгорит. Это все в огне не горит и в воде не тонет. Тут у него не было сомнений. Если он сейчас не решится – окончательно и бесповоротно – его ждет незавидный остаток жизни. Значит, хочешь не хочешь, а надо возвращаться.

И он вернулся. Опять нерешительным шагом приблизился к двери за матовыми стеклами, на этот раз держась ближе к гранитному цоколю. Чтобы не отступить. Чтобы не было возможности отступить. И с ходу рванул длинную отполированную ручку двери.

За столом у двери не было никого, дежурный – мордастый, откормленный прапорщик с португеей через плечо – от скуки дефилировал по проходу. Скварыш поздоровался. Тот, ничуть, кажется, не удивившись раннему посетителю, даже как бы улыбнулся: давай, мол, входи. И Скварыш сунул ему в руки конверт.

– Кому?

– Там разберутся. От Скварыша.

– Это вы? Подписано, да?

– Все подписано.

Чтобы разом оборвать этот разговор, Скварыш, не разворачиваясь (как будто очень спешил, что ли), задом толкнул дверь и очутился на улице. Неверным шагом пошел по тротуару вдоль самого бордюра, и жуткая явь содеянного все больше открывалась ему. Как же так, зачем?.. А если он дал маху? Подставил порядочного человека? Что же тогда он натворил?

Да, видно, натворил...

На углу здания он опять остановился, оглянулся на стеклянную дверь. Ну, что делать? Вернуться, взять заявление назад? Но отдадут ли? Наверное, прапорщик-дежурный уже регистрирует его в какой-нибудь толстой книге. А если уж зарегистрирует, то никакая сила его оттуда не вырвет. Будет храниться вечно. Вот так!

Бедный, несчастный аспирант Краснянский.

Бедный, несчастный профессор Скварыш.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!